

И. З. СЕРМАН

Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова

Николай Семенович Лесков в 1866—1867 гг. начал работать над обширным романом-хроникой «Чающие движения воды». Центральной фигурой задуманного романа, позднее переработанного и переименованного в роман «Соборяне», должен был стать протопоп Савелий Туберозов, в личности и характере которого Лесков хотел дать художественное воплощение идеального героя-борца, готового и на подвиг и на жертву собой во имя общественного долга перед своим народом. Прообразом такого борца за обновление русской церкви, за превращение ее из бюрократическо-реакционной силы в живое и связанное с народными интересами общественное учреждение в представлении Лескова стал протопоп Аввакум.

В общеизвестном печатном тексте романа «Соборяне» нет ни одного упоминания об Аввакуме, хотя психологическая общность между старгородским протопопом — правдоискателем Савелием Туберозовым и Аввакумом не нуждается в пространных доказательствах. На это уже указывали писавшие о Лескове.¹ Отмечалось (В. Гебель) и то, что в первоначальной редакции 2-й и 3-й частей романа «Божедомы» Лесков поместил пересказ «Жития» Аввакума и ввел троекратное появление его перед Туберозовым в «видении».

Аввакум привлек внимание писателя силой и упорством своего героизма: «Двадцати трех лет Аввакум вооружился против лжи, откуда бы она ни шла, и заслужил за это порицание и гонение властей, долг которых отстаивать истину»,² — пишет Лесков в первоначальной редакции романа. Аввакум должен был вдохновить Савелия на подвиг, на борьбу. Поэтому сцена грозы («Соборяне», ч. III, глава восемнадцатая) в рукописной редакции была совершенно иной.

Застигнутый грозой Туберозов слышит, как «по лесу вправду кто-то несется и скачет, и визжит, и кричит, и гагайчет, и свищет. Мгновение — и вот он: над вершиной деревьев стоит голова с красноватым лицом, отставшими ушами, непреклонными серыми глазами. Всей фигуры не видно, но над лесом видна голова и у корня дерев две стопы в старых котях. [Здравствуй]. Что говорит Савелию стоящая [вровень с] над лесом [фигура] голова. [Что] Не узнал? [а я] Я [брат] поп Аввакум... Непригляден? — трещит он, словно только что сильно посухнутое веретено [Бит брат]. Я, брат, длинно не думал, я бит и увечен и за старую Русь, как гусь сжарен... [замучен]. [А ты жене прилепленник]. [И равная с лесом фигура

¹ Л. Гроссман. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 90; Валентина Гебель Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 98, 134—135.

² Валентина Гебель. Н. С. Лесков, стр. 134. Слова, взятые в квадратные скобки, в рукописи зачеркнуты.

вдруг исчезает]. Видение исчезло, но Савелий чувствует [как], что его схватывают за локти незримые руки и трясут, и рвут, и бросают, а в [самые] уши ему нестерпимо громко и вовсе нескладно Аввакум орет: „Ах, ты поп, поп, поп, тараканный лоб, поп, поп...“».

Идет описание грозы, а затем: «Савелий опять слышит, что над ним стал Аввакум, он теперь кроток и тих... Он видит, что Аввакум осеняет его и [читает] шепчет: „Иже любит отца или мать паче [меня] его, несть [меня] его достоин. Иже лукави суть и иже единому [человеку] умерети за люди. Не пещыся об утреннем—утренняя бо сама собой печется. [В] а в ночь сию могут истезать [из тебя] душу твою [и что приобретаешь]? Имей веру с зерно горчичное и... Встань и смотри! Встань и смотри...“ — слышит настойчиво Туберозов. „Послушаю и встану“, — подумал он и [Туберозов тихо] восклонился [главой от земли в то же мгновение]. Перед ним стоял темный ствол дуба и среди его искра. [Эта странная искра блестящая] белым ослепляющим светом [блеснула звездчатая искра; свернулась] выросла в ком и исчезла. В воздухе грянуло страшное бббах — это за неимением лучшего сравнения удар гигантским пестом по дну опрокинутого гигантского таза, оглушительно брэнчащий удар без раската: Савелий упал, и ему почудилось, что с ним падает все. [Но вот]. Так прошло с четверть часа, и вот вдаль покатило тяжело и неспешно... тра-та-тату-у-хо... и [вверху пронеслось: «Порадейте, друзья, порадейте, за матушку Русь порадейте»]. [Все] все стихло».³

Характерно, что в приведенных В. Гебель отрывках Лесков тщательно воспроизводит стилистику «Жития» Аввакума, воссоздавая, следовательно, не только образ мятежного протопопа, но и самый склад его речи.

Однако в окончательном тексте «Соборян» («Русский вестник», 1872, апрель—июль) уже не осталось никаких прямых упоминаний об Аввакуме или цитат из его произведений.

Сцена грозы в «Соборянах» имеет символическое значение. После нее Туберозов принимает окончательное решение выступить на борьбу. Почему же Лесков убрал Аввакума из этого эпизода своей хроники и вообще из текста «Соборян»? Никаких указаний на цензурное вмешательство у нас нет, и, более того, нет оснований думать, что именно образ Аввакума мог встретить цензурные препятствия.

Решение этого вопроса может указать путь к решению общей проблемы отношения Лескова к Аввакуму.

Серьезный интерес к расколу возник у Лескова в начале 1860-х годов. В книге «С людьми древнего благочестия» (СПб., 1863) он пишет уже о спорах между сторонниками взглядов на раскол П. И. Мельникова и А. Шапова как человек, хорошо в этих спорах разбирающийся.

Несомненно, что к этому времени он был знаком и с «Житием» Аввакума, изданным Н. С. Тихонравовым в 1862 г. Сам Лесков не разделял взглядов А. Шапова на раскол как на народное движение, в котором только форма была религиозной, а реальное историческое содержание представляло собой протест масс против усиливающегося самодержавного гнета.

Из собственного изучения раскола,⁴ предпринятого по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина в 1863 г., Лесков вынес убеждение в том, что раскол пережил себя и что дело времени и просвещения свести на нет религиозную распрю в России. Поэтому в его романе-хронике «Чающие движения воды» с таким сочувствием изобра-

³ Валентина Гебель. Н. Л. Лесков, стр. 135—136.

⁴ См. в кн.: Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова. М., 1954, стр. 171—175.

жен Мина Силыч Кочетов, глава старообрядческой общины, отказавшийся от своей вражды к «никонианству» и соединившийся «с общей матерью нашею церковью русскою» (глава II. Патриарх, прошедший с мечом и с миром).

Имея в виду это в общем отрицательное отношение Лескова к расколу, можно предположить, что его интерес к Аввакуму носит особый характер. Не религиозного или, еще более того, политического деятеля видел в нем Лесков. Он увидел в «Житии» Аввакума человеческий документ огромной силы и большого художественного своеобразия.

Создавая своего мятежного протопопа Савелия, Лесков воспользовался для этого образа психологическим обликом Аввакума и в некоторой мере стилем его «Жития», а не его фанатизмом и средневеково-схоластическими взглядами.

Пафос Савелия Туберозова — в борьбе за обмирщение церкви, за выход ее из рамок начальственных предписаний, за живое участие к народным нуждам и чаяниям. Савелий обращен к будущему, тогда как Аввакум, в представлении Лескова, смотрел назад.

Дальнейшее развитие взглядов Лескова на Аввакума подтверждает наше предположение об отрицательной оценке им общественного значения деятельности расколуучителя. В 1882 г. он печатает статью «Церковные интриганы»,⁵ посвященную книге Макария, митрополита Московского, «Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов» (М., 1881). В этой статье Лесков очень сурово отзываясь о деятелях раскола. Аввакум для него «узкий, но неугомонный фанатик, с которым современные нам исторические романисты носятся как с „тихою лампадою“». ⁶ Не называя ни автора, ни самого романа, Лесков в своей статье высмеивает Д. П. Мордовцева как автора романа об Аввакуме («Великий раскол», М., 1881).

Д. П. Мордовцев в своих взглядах на раскол и Аввакума примыкал к А. Щапову, а Лесков к этому времени даже и в характере Аввакума уже не видел ничего достойного художественной разработки. Теперь Аввакум для него главным образом «интриган», а роман о нем лишь коллекция курьезов. К этому времени Лесков убедился в том, что «ошибочность больших симпатий к расколу несомненна, и она станет очевидна для всякого, кто захочет знать истину без предвзятых мнений».⁷

Если отношение к Аввакуму — общественному деятелю и даже к Аввакуму-человеку у Лескова менялось, становясь все более и более отрицательным, то в одном Лесков всегда остается верен. Язык Аввакума — живой, оригинальный, полный смелых образов и колоритных выражений — всегда, на всем протяжении творческого пути Лескова оставался для него источником слов и оборотов. Аввакумовское словечко «простец» Лесков рекомендовал своим литературным друзьям как замечательный образец народной речи. В произведениях, изображающих жизнь и нравы раскольников, например в повести «Запечатленный ангел» — одном из шедевров лесковского творчества, живо ощущается связь со стилистикой «Посланий» Аввакума.

Как замечательный художник русской народной речи Аввакум присутствует в сознании Лескова-художника всякий раз, когда он хочет изобразить человека из народа, затронутого книжной культурой и говоря-

⁵ Исторический вестник, 1882, май, стр. 364—390.

⁶ Там же, стр. 367.

⁷ Там же, стр. 390.

щего языком пестрым, поражающим неожиданными словечками и оборотами. В Аввакуме Лесков всегда видел одного из наиболее ярких представителей русской народной жизни и одного из наиболее близких по языку к народу русских писателей. Лесков сумел отделить в Аввакуме мертвое и архаическое от вечно живого, художника-языкотворца от религиозного фанатика. И в этом отношении Лесков безусловно опередил современную ему науку. Да и сейчас еще Аввакум-художник, Аввакум — мастер слова ждет своего исследователя.
